

© 1997 г., ЭО, № 6

В.А. Липинская

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ЛИПОВАН*

Миграции небольшой группы народа далеко не всегда фиксируются документами. Сами же участники событий сохраняют память о них в течение всей жизни и рассказывают об этом своим потомкам. Со временем на основе бытовых рассказов слагаются предания на исторические темы. В них отражается понимание представителями этой группы реальных событий прошлого. Закрепляясь в поколениях, историческая память формирует в значительной мере этническое самосознание группы, моделируя взаимосвязи «мы – они»: своя группа и родной народ, своя группа и иноэтничное окружение.

В XVII–XVIII вв. за западную границу России устремился поток старообрядцев, не признавших церковных реформ и подвергшихся за это преследованиям светских и церковных властей. Переселяясь группами или в одиночку, мигранты попадали в разные страны. Русские, проживающие в настоящее время на территории Румынии, первоначально пришли на земли Польши, Австро-Венгрии, Турции.

Переселенцы, являвшиеся выходцами из многих губерний и приверженцами разных течений в старообрядчестве, несли с собой разнородные этноконфессиональные традиции. Так, в южном потоке мигрантов, выходцев из бассейнов Дона и Кубани, – некрасовцев преобладали поповцы. Они осели в дельте Дуная в исторической области Добруджа. Северное направление движения представляли беспоповцы филипповского толка. Они вышли в Польшу, оттуда проникли в Австро-Венгрию (в Буковину)¹. Помимо основных потоков шло переселение мигрантов вдоль всей границы небольшими группами, весьма пестрыми в конфессиональном отношении². Последующие миграции привели к рассредоточению переселенцев по региону Подунавья.

В настоящей статье анализируются исторические предания русских старообрядцев, которые переселились в бассейн Дуная и получили там наименование *липоване*. Большинство рассматриваемых преданий были записаны автором во время экспедиционной работы в Добрудже (1993, 1995 гг.), некоторые почерпнуты из публикаций. В исследовании нас интересуют сюжеты исторических преданий и образы представленных в них героев, время и место их действий, а также соотношение описываемых событий с реальными (если о них имеются сведения).

В наше время предания широко распространены среди липован. Хранителями исторических знаний являются люди старшего и среднего возраста, которые слышали рассказы от своих родителей; они и передают их младшим. Почти каждый представитель этих возрастных групп может сообщить что-либо касающееся истории липован. Однако степень их осведомленности различна. Она зависит от личного интереса к своей истории и от объема накопленной информации. Как мы заметили, исторические предания бытуют в основном в семейной традиции. Это подтверждается адресными замечаниями, которые рассказчики дают по ходу изложения событий: «от отца слышал», «бабушка помнила», или обобщенно «деды-прадеды говорили». Молодым липованам история их группы известна в меньшей

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17139).

степени, хотя, получив устную информацию в семье, они имеют возможность пополнить свои знания из публикаций.

Поскольку предания существуют в форме устных рассказов, их передают разговорным языком, обычно простыми повествовательными предложениями. Придаточные предложения весьма редки, деепричастные обороты практически не встречаются. Лексикон зависит от уровня образованности рассказчика, его жизненного опыта. Пожилые крестьяне пользуются местным диалектом. Учителя, священнослужители, а также представители среднего и молодого поколений строят свою речь приближенно к русскому литературному языку, однако также в грамматически простых формах.

Выявленные нами исторические предания отражают три периода истории группы русских-липован: 1) предшествующий выселению из России; 2) эмиграция в Подунавье; 3) расселение в бассейне Дуная. Сюжеты преданий включают темы, связанные с вероисповеданием, относящиеся к экологии, этнонимии, ойконимии, а также к генеалогии. Зачастую несколько тем переплетаются в одном повествовании. Достоверность значительной части событий, о которых идет речь в устных рассказах, может быть проверена по письменным историческим источникам.

Среди липован сохраняются различные версии некоторых сюжетов. Сообщая свою, рассказчики могут добавить, что другие мнения ошибочны. В подтверждение правильности своих сведений обычно ссылаются на авторитет старших поколений.

Уход из России

Русские переселенцы в Подунавье осознают себя православными староверами («староверцами»), или иначе – старообрядцами. Они гордятся тем, что «не предали веру отцов». В беседах по поводу разных житейских сложностей часто приходилось слышать о готовности и в наше время «претерпеть за веру». В среде липован стойко держится убеждение, что вера помогла им не утратить русский язык и русскую культуру, сохранить себя как часть русского народа. Эта тема затрагивалась одним из авторов в местной газете «Зори» – печатном органе общины. «Часто мы вызываем удивление и любопытство у других: как мы смогли выжить, что нас связывает? Ответ очень простой: вера, церковь, древняя христианская мораль»³. Отец Афанасий из с. Гиндерешть сказал нам, что и в будущем, как считают липоване, для них «главное – веру сохранить».

Именно издревле принятое в России христианское вероучение липоване признают истинно православным и с обидой относятся к названию раскольник, вошедшему в употребление еще в XVII в. «Мы веру отцов сохранили, а откололись никониане»⁴.

Церковная реформа патриарха Никона, которую поддержала и светская царская власть, указывается в преданиях как главная причина отселения старообрядцев за рубеж, что согласуется с исторической действительностью. Рассказы липован об этом времени начинаются с имен двух исторических личностей: патриарха Никона и царя Петра I. Хотя они жили в разное время, в представлении липован деятельность обоих явилась причиной бегства из России сторонников старой веры, а потому их относят как бы к одному историческому периоду.

Несмотря на то что самые жестокие указы о преследовании раскольников были введены царевной Софьей (12 статей о ссылке, конфискации имущества, смертной казни и пр.), ее имя предания не сохранили. Народная память не уделила внимания также местным исполнителям царских указов. Предания связывают события лишь с наиболее яркими историческими фигурами – Никона, основоположника церковных реформ, и Петра I – великого преобразователя государства. Упоминание в исторических повествованиях этих деятелей, по нашему мнению, в некоторой мере связано с двумя направлениями движения старообрядцев за рубеж: северо-западным и южным.

В рассказах об уходе за границу России также фигурируют два героя – Филипп и Игнат. Филипп, согласно преданиям, вел переселенцев на запад в Польшу, Игнат был предводителем южного направления миграции. Оба они – реальные люди, но их роль

в событиях неравнозначна, а включение их имен в фольклорные сюжеты избирательно.

Филипп – старообрядческий проповедник, жил и действовал на северо-западе России. В миру его звали Фотий. Он был стрельцом, бежавшим из-под Нарвы к р. Выг, где в конце XVII в. в дремучих лесах обосновались старообрядцы поморского толка. Вскоре у Филиппа начались расхождения с руководителями Выговской общины. Филипп являлся сторонником крайних взглядов, строгого неприятия «мирян». После того как поморцы согласились молиться за царя, он вместе со своими единомышленниками ушел из общины на р. Умбу. В 1743 г. он был окружен воинской командой. Филипп и часть его сподвижников предали себя огню. Однако со смертью основателя скита его учение не погибло. Последователям проповедника, так называемым филипповцам, были свойственны консерватизм, нетерпимость к другим направлениям старообрядчества, неприятие городского быта, строгость к вступающим в общину⁵.

В середине XVIII в. часть филипповцев, стремясь сохранить свою веру, ушла из России. В Буковине они основали несколько селений беспоповцев. По-видимому, именно в этих населенных пунктах удерживалось ошибочное представление о том, что их «вывел Филипп». Однако основатель филипповского толка не мог их вывести ни из России, ни из Польши, так как он погиб в скиту.

Игнат Некрасов действительно возглавил южную группу мигрантов. Он был атаманом казаков, участвовавших в восстании под предводительством К.Ф. Булавина. Волнения, начавшиеся в низовьях Дона, в 1708 г. охватили несколько губерний. В них участвовали казаки и крестьяне, в большинстве своем придерживавшиеся старообрядчества. Здесь, на юге, религиозный протест сочетался с социальным. На подавление булавинского движения Петр I направил регулярные войска. В одном из сражений К. Булавин погиб. Его сменил Игнат Некрасов, который увел терпевшие поражение отряды сначала к Кубани, а оттуда на Дунай, в Добруджу.

В отличие от филипповцев южное движение за рубеж было многочисленным. В фольклоре этих переселенцев в разных вариациях встречалось утверждение: «Он (т.е. И. Некрасов. – В.Л.) ушел, он увел 40 тысячей, кроме старых, кроме малых...»⁶.

Выведенные Игнатом Некрасовым отряды основали несколько крупных селений старообрядцев-поповцев. В низовьях Дуная их стали называть некрасовцами. Из этой группы в XIX в. было несколько отселений обратно в Россию по приглашениям правительства. Оставшиеся в дельте Дуная соратники Некрасова и их потомки вместе с позднейшими переселенцами широко расселились в Подунавье.

По официальным данным последней переписи, проводившейся в Румынии в 1992 г., всех русских жителей числится 38,7 тыс. человек, из них старообрядцев-липован – около 30 тыс. Сами представители русских старообрядческих общин считают эту цифру заниженной и предполагают общее количество старообрядцев близким к 100 тыс.⁷ Липоване расселены в основном вблизи западной границы Румынии. В настоящее время вследствие внутренней миграции прежней локализации по вероисповеданию практически не наблюдается. Имеются населенные пункты преимущественно одно-, двух- и трехконфессиональные.

В памяти членов некоторых русских семей, проживающих в Румынии, и сейчас сохраняются названия мест выхода из России, но сведения о них весьма приблизительны. Так, в Добрудже рассказчики, ссылаясь на предков, очерчивали весьма обширную территорию к югу от Москвы. Действительно, историческими свидетельствами подтверждается, что именно отсюда уходила основная масса мигрантов, направлявшаяся в бассейн Дуная. В повествованиях жителей Добруджи представлены разные версии этого сюжета. Некоторые из них изложил староста церкви в г. Тульче Мартын Иванов: «Пришли в XVI в., когда было верогонение. Пришли из-под Ростова, из станиц. Они утекли и схоронились в липовом лесу. Так и сказали, в лесу липовом. Потому пишутся русскими-липованами. Мы всех ближе были от г. Саратова, другие говорят – на той бок Волги, другие говорят – неправда, с Украины»⁸.

Указанные разногласия свидетельствуют о неоднородности миграционного потока

в дельту Дуная. Некоторые липоване называют конкретные селения, покинутые предками, а также город Москву. По нашему мнению, упоминание столицы может означать собирательный образ центра страны. Известно, что в Малороссии в XVIII–XIX вв. всех русских называли москалями, а на землях, подвластных Турции, русских переселенцев с XVIII в. звали *московитами*⁹. Это, разумеется, не исключает возможности выселения из самой Москвы и ее окрестностей. Однако упоминание Москвы встречается в рассказах выселенцев из мест, весьма далеко отстоявших от столицы. Так, преподаватель русского языка Илья Афанасов из рассказов своей бабушки знал, что предки его в составе семи семей ушли из селения Красный Яр, находившегося в 150 верстах от Москвы. Он пытался найти это место на современных картах, но безуспешно. Выполнить это, действительно, нелегко, так как красных, или красивых, яров в России множество. И далеко не все населенные пункты с подобным названием попадают на карту. В прошлом имелись селения с похожими названиями в зоне действия отрядов булавинского восстания.

Создается впечатление, что мигранты северного и южного потоков связывали свой выход из России с разными историческими событиями. Уходившие из северных местностей причину отселений видели в реформах Никона, вызвавших раскол церкви. У мигрантов южного направления основная причина выселения была заслонена событиями более позднего времени – разгромом отрядов казачества войсками Петра I. Что же касается героев-предводителей, то южную группу, согласно достоверным источникам, выводил И. Некрасов. Западное и северное движения проходили путем неоднократных перемещений небольшими группами из северных и центральных регионов России, поэтому единого предводителя у них не было. В преданиях же произошла привязка событий не к реальному герою, возглавившему хотя бы одну группу, а к основателю старообрядческого толка беспоповцев, смерть которого стала как бы символом непреклонного сопротивления и отстаивания идеи вплоть до отречения от жизни.

Помимо религиозной и религиозно-социальной причин выселения, в сообщениях липован называется и третья, бытовая: «не было, что кушать», «счастья шукали». Оба повода вполне основательны для перемены мест проживания, они имели большое значение для мигрантов.

Предания, связанные с основанием селений и их названиями

Обычно названия даются селениям при их основании. Фольклор липован сообщает о безлюдности мест, в которые пришли старообрядцы. Так, в конце прошлого века румынский ихтиолог Александр Мэриняну записал от рыбаков Дуная следующую легенду. «Давным-давно в этих местах, начиная от самого Черного моря, и до гор Добруджи, было всего три хозяина, три настоящих господина: один из них был Гришка-расстрижка. Его замок находился у гирла Хохлов, там, где развалины крепости под названием Церквушка. Его брат – Ванька Каин, большой разбойник и сумасброд, владел островом Попина, что на озере Разине. Их старший брат, Сенька Разин, господствовал в крепости Еракля»¹⁰. В легендах три героя рассматриваются как братья, чем создается как бы их собирательный образ. Необходимо отметить и идеологическое родство «братьев»: все они находились в оппозиции к правительству.

Что касается участия названных героев в делах липован, то лишь представление о пребывании Степана Разина у зарубежных русских не лишено оснований. В память этого события, по мнению жителей Добруджи, дано было название большому озеру вблизи Дуная (современное название *Разелм*)¹¹. Как известно, Степан Разин имел сношения со старообрядцами, в частности и на западе России, искал у них поддержки. Однако эти события относились к XVII в., т.е. до заселения Подунавья. Таким образом, эмигранты принесли с собой воспоминания о более ранних контактах с отважным предводителем народного сопротивления. Вымыслом является утверждение о господстве Разина в крепости Еракля, находящейся недалеко от г. Тульчи.

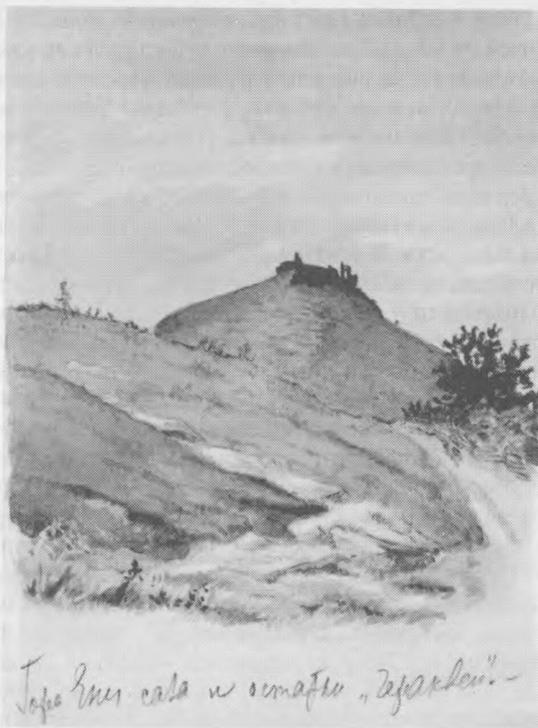

Рис. 1. Вид крепости Гераклея (рис. В.Г. Короленко. 1897 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 121. К. 7.)

Вымышлены также сведения о двух других героях. Гришка-расстрижка, он же Григорий Отрепьев, он же Лжедмитрий I, был беглым послушником из московского монастыря и претендентом на русский престол. Время его активной деятельности 1604–1606 гг. Бежав из Москвы в Польшу, Лжедмитрий вместе с польскими отрядами вторгся на северную Украину, а после смерти Бориса Годунова ему удалось захватить Москву. Таким образом, и в данном варианте имеет место перенесение в Подунавье воспоминаний о событиях более раннего времени¹². Ванька Каин известен как разбойник, сказания о котором бытовали в различных местностях. Легенды, записанные у берегов Дуная, перекликаются с аналогичными волжскими. По рассказам местных жителей, где-то в русле Волги был остров со змеиной пещерой, в которой скрывались знаменитые разбойники – Степан Разин, Гришка Отрепьев, Ванька Каин и Емельян Пугачев, там же хранили они награбленные клады. Однажды в пещеру зашла заблудившаяся девушка, где и увидела Степана¹³.

В Румынии русские рыбаки также рассказывали о кладах в пещере крепости Ераклея, охраняемых огромным змеем. Находилось много желающих воспользоваться этим богатством, о чем написал В.Г. Короленко¹⁴. Мотивы подобных легенд уводят к древним космогоническим представлениям о взаимосвязанности неба, земли, воды, огня. По сюжету легенды, записанной в Румынии, герои действовали во время, близкое к переселению группы. Древность мотивов легенды могла восприниматься как обоснование прав липован на обживаемые ими пространства в низовьях Дуная (рис. 1).

Близкую по содержанию легенду мы записали у старообрядцев, высланных от границ Польши к южной границе расселения русских в Западной Сибири. В ней сообщалось о богатырской заставе в горах Алтая, где несли дозор Алеша Попович,

Добрыня Никитич и Иван Кольван (легенда записана в селении Кольвань)¹⁵. Возле этой богатырской заставы и начали якобы расселяться русские крестьяне.

Как видно, сходные сюжеты возникали у русских переселенцев, волею исторических обстоятельств выдвинутых на крайние пределы расселения этноса. В этих условиях легенды приобретали важный для мигрантов смысл: возможность углубить и укрепить корни своего пребывания в местах нового расселения.

Расселение в конкретных населенных пунктах обычно связывается в Добрудже с приходом на Дунай отрядов казаков. Для периода первоначального заселения это соответствует действительности. В XVIII в. Добруджа входила во владения турецкого султана. Предания сообщают: «Пришли степовые, стали коло турок». Некоторые селения в Добрудже получили тюркские наименования¹⁶. Как выяснилось, жители таких селений не всегда могут объяснить или хотя бы перевести их названия. Однако о происхождении русских названий рассказывают охотно. Так, в с. Слава Русская с гордостью говорят о славных полках, пришедших из России, но не знают о существовавшем в прошлом тюркском наименовании села Кызыл-Гисар¹⁷.

Нами записаны три версии об истории основания и наименования села Журиловки. Их можно обозначить как версии церковную, бытовую и романтическую. Первая запись об основании русского православного поселения и о построении в нем храма была сделана священнослужителями. Она озаглавлена: «Заселение Журиловки в области Добруджи». Согласно этой версии, «в 1668 г. заявившиеся прихожане в Добруджу, которая была под владением Турции, избрали сие место для заселения Журиловки между двух селений: "Паши-Кышла", жившие болгары, и "Кара-Манскей", жившие черкезы. В 1705 г. построилась молельня...», далее перечисляются годы строительства церкви¹⁸. Включение дат в запись священнослужителей придает ей вид документа. Однако другие исторические источники неизменно указывают XVIII век как время переселения русских в Добруджу (рис. 2).

Согласно бытовой версии, первый поселенец имел прозвище Журила (от укр. *журиться* – *печалиться*). В России многие селения назывались по имени, фамилии или прозвищу первопоселенца. Таким образом, эта версия соответствует народным традициям. В большинстве населенных пунктов, названных по именам их первых жителей и основателей, эти имена сохраняются в поколениях потомков. В Журиловке люди с подобной фамилией в настоящее время отсутствуют, их не помнят и в более ранние периоды.

Романтическая версия повествует о жестоком князе, выгнавшем сыновей из дома. В большой печали сели они в лодку и доверились течению. На берегу, к которому прибило лодку, поставили молодые рыбаки свои хаты. Эта история явно вымышлена и представляет собой поэтическое переосмысление событий. По историческим свидетельствам Журиловка появилась вследствие отселения части жителей из более крупного населенного пункта, скорее всего из Сарикея. Возможно, что кто-то из отселявшихся уходил от жестоких родителей, но последние никак не были княжеского рода.

Из трех выявленных нами топонимических легенд о заселении Журиловки церковная версия более правильно отражает историческую ситуацию. Примечательно, что в ней, как и в чисто народных преданиях, углубляется время появления русских в Добрудже.

В семейных преданиях жителей некоторых поселений сохраняется память о перемещениях по Подунавью. Так, основатели с. Гиндерешть проделали весьма долгий и сложный путь. Их предки были в числе первых мигрантов южного потока. «Наши стали коло Дунаю. Журилки – коло озеру, – рассказывал старый рыбак. – Наши заселили Чубату и Пыржою (сейчас их нет). Часть ушла на Камень, в Славу, а сюда – семь фамилий. Сначала пришли, где Татарица (возле татар сели). Там рыбалка была плохая. Пошли искать дальше. Ночью колокол бил три раза. Здесь и остались. И еще шесть фамилий к себе призвали. Здесь жил пастух Гиздар. По нему назвали Гиздарешть, а потом стало Гиндерешть»¹⁹.

Рис. 2. Постройки в селениях: 1 – церковь в с. Журиловка (фото 1921 г., из местных фондов); 2 – жилой дом в с. Гиндерешть (фото автора, 1993 г.)

В рассказе рыбака выбор места поселения связывается с неким чудесным событием, чрезвычайно значимым для истинно верующих христиан: «Ночью колокол бил три раза». Такая версия полностью соответствует русским христианским традициям. Основание многих городов, а тем более монастырей, народная молва связывает как бы с получением указания свыше – явлением иконы, свечением в ночи, перенесением заготовленного строительного материала и т.п.

Большим событием в истории липован стало отселение из дельты Дуная на север, в Буковину. Это передвижение означало переход из-под турецкого владычества на земли Австро-Венгерской империи. Разрешение на вселение дал император Иосиф II, к которому обратились липоване. Поводом, согласно преданиям, послужило спасение рыбаками некоего высокопоставленного господина. В благодарность он обещал помочь в устройстве дел старообрядцев, для которых самым существенным являлось строительство собственной церкви. История о переселении передавалась липованами в разных вариантах. Сравнение их показывает, как в сознании народа увеличивалась значимость события через повышение ранга героя.

Во всех преданиях указывается, что в дельте Дуная рыбаки спасли австрийского подданного, а именно: а) неизвестного господина, которого преследовали разбойники; б) императорского генерала во время войны с турками; в) подвергнувшегося нападению турок чиновника, измерявшего фарватер; г) посланника австрийского двора, потерпевшего кораблекрушение; д) родственника императора, попавшего в руки разбойников. Далее повествуется о визите рыбаков к императору²⁰.

В австрийских источниках содержатся иные сведения, и несомненно более точные. Согласно им генерал Эценберг в сообщении от 26 апреля 1784 г. извещал, что летом 1782 г. инженер-капитан Реданге, находясь в устье Дуная, покупал лошадей и встретился со старообрядцами. Он посоветовал им переселиться на Буковину. Летом следующего 1783 г. два липованина в сопровождении венгерского подданного Мартина Ковача отправились в Вену, где и были приняты императором²¹.

Таким образом, предания сохранили рациональную основу – разговор с австрийским подданным и визит липован в Вену. Однако действительные события были прямо противоположны тем, которые изображены в преданиях. Австрийское правительство само стремилось привлечь новое население для хозяйственной разработки пустолежащих земель. В 1781 г. император Иосиф II принял «Патент о переселении», дававший большие привилегии поселенцам независимо от места их прежнего проживания и от вероисповедания²².

Переселенцы с юга обосновались в Буковине вблизи русских селений, основанных мигрантами западного направления. По сообщениям, полученным нами и зафиксированным исследователями XIX в., в этой местности старейшим населенным пунктом является с. Соколинцы. В одной из семей, проживавших там, передавалось от старшего поколения предание о том, что первые жители пришли в Буковину в 1725 г. с Волги. Оно вполне согласуется с историческими свидетельствами. Официально основание с. Соколинцы относится к 1724 г., дате первого письменного упоминания о нем. В 1994 г. в г. Сучаве состоялась конференция, посвященная 270-летию старейшего липованского селения²³.

Аналогичные предания с указанием дат вселения были записаны нами у старообрядцев, сосланных в Западную Сибирь. Переселения на запад и на восток происходили из одного центра – с о-ва Ветка на р. Сож, куда (к западной границе) стекались старообрядцы из разных местностей России. Русское правительство, опасаясь массового бегства подданных, дважды в 1730-х и в 1760-х годах направляло войска, чтобы вернуть беглецов в места их прежнего проживания. Часть старообрядцев, спасаясь от царских войск, ушла в Буковину и Молдову. Основная масса была направлена по этапу на восток. Половину из них расселили вблизи Алтайских гор²⁴. Сопоставление сведений о вселении с историческими обстоятельствами показывает, что семейные предания весьма точно указывают время ухода переселенцев с о-ва Ветка: добровольного – на запад, принудительного – на восток.

Генеалогические предания

Во многих старообрядческих семьях, вынужденных покинуть свои земли, на новых местах начинали вести счет поколениям со времени вселения.

Учет родства важен для старообрядцев, в частности, при заключении браков. И в настоящее время высчитываются родственные связи жениха и невесты до четвертого «колена», между которыми не должны заключаться семейные союзы. Почтительно блюдут старoverы также память предков. В каждом доме имеются поминальные книги с длинными рядами имен. Поэтому в большинстве современных семей без затруднения перечисляют поколения, прожившие на чужбине.

Мы имеем возможность сравнить память поколений мигрантов с о-ва Ветки, ушедших на запад и сосланных на восток. Их воспоминания близки по смыслу излагаемых событий, но различаются по характеристике условий поселения.

Наиболее подробно о пути семьи рассказал житель д. Лосиха, укравшейся в Алтайских горах, Ивойла Трифонович Гусяков. «В 1721 г. наши предки бежали из Москвы в Польшу, так как в России их преследовали за старую веру. Они были не согласны с Никоном. В Польше наши предки жили 40 лет на Ветке. В Польше в 1761 г. поселенцы из России были разгромлены казаками по приказу властей... Когда прибыли на Алтай, начали расселяться по разным местам... Афанасий Гусяков был первым поселенцем в Лосихе из рода Гусяковых...»²⁵.

Несколько менее подробно, но также довольно точно рассказывают липоване о поколениях русских семей, обосновавшихся в Подунавье. Так, Иосиф Федорович Ермилов слышал от родителей, что «деды-прадеды вышли из России, сразу много людей из Московской, Курской, Тамбовской губерний. Они жили там, где пустынь (по-видимому, имеются в виду селения на о-ве Ветке. – В.Л.). Пришли войска и стали разгонять пустынь. Наши ушли в леса липовые. Они землю возделали, деревья рубили, корчевали. Потом пришли царские войска, чтобы вернуть всех назад, откуда они утекли. Тогда наши перешли реку и пришли в Буковину. Это лет 300 назад»²⁶ (рис. 3).

Местной особенностью старообрядцев Подунавья стало изменение фамилий при разделении семей и даже при регистрации новорожденных. Так например, произошло с родственниками священника из г. Нэводарь Анатолия Никиты. Он уверял, что «род имеет из Москвы. Прадед – Никита Рогачевский был иконописцем. Он пришел в Добруджу. У него было два сына. Егор поклял себя Никитой. Его сыновья – тоже Никита. Я пишуь Анатолий Никита. А в с. Новеньком есть Рогачевские. Они взяли старое имя. А наши взяли Никиту. Наши все называются Никита. А младший брат, когда пошли его записывать, то сказали Иконников (т.е. отец пишет иконы. – В.Л.), а написали Иконару»²⁷.

Как видно из приведенных примеров, народная память дает возможность проследить родословные русских жителей Румынии. С их помощью можно определить примерные даты вселений в те или иные деревни и последующие перемещения. Таким образом, родословные могут служить ценным источником для изучения процесса формирования населения как отдельных деревень, так и русской диаспоры в целом.

Этнонимические предания

Русские переселенцы, осевшие в бассейне Дуная, издавна называются *липоване*. В 1990 г. на одном из первых заседаний руководства общины старообрядцев в Румынии официально было принято наименование *русские-липоване*²⁸. Его двучленность отражает иерархичность самосознания этой группы русского народа.

Как можно судить по имеющимся историческим свидетельствам, субэтноним липоване формировался в течение длительного времени. Придунайские княжества заселялись отдельными группами русских. Одни из них приходили уже поименованными, другие получали названия на месте. В различных публикациях второй половины XIX –

Рис. 3. Липоване в традиционной одежде: 1 – девушка в сарафане (с. Сарикей, фото 1950-х годов, из местных фондов); 2 – мужчина в поддевке (с. Гиндерешть, фото автора, 1993 г.); 3 – священнослужитель в облачении (с. Сарикей, фото 1960-х годов, из местных фондов)

начала XX в. мы обнаружили более 20 наименований русских групп. При этом авторы обычно указывали, что наиболее распространено или что всем старообрядцам присуще название липоване²⁹.

Группы старообрядцев, пришедших в Подунавье, называли себя и живших рядом с ними русских чаще всего по принадлежности к тому или иному вероисповеданию, а небольшие конфессиональные группы обозначались по имени основоположника или по месту расположения центра какого-либо течения: стародубцы, ветковцы, чернобыльцы или федосеевцы, даниловцы и т.п.

В документах, относящихся к переселению старообрядцев из Добруджи в Буковину и в переписке местной администрации слово *липоване* весьма часто упоминалось уже в 1780-е годы, но мнения о его происхождении высказывались противоречивые.

Н.И. Субботин, ссылаясь на Белокриницкий архив, утверждал, что слово *липоване* произведено от *филиппоны*. Так стали именовать последователей филипповцев, мигрировавших в Польшу. Тот же Н.И. Субботин сообщил и иную версию: «У буковинских липован есть мнение, что название это происходит от селения Липовцы... Они, говорят, получили по месту их жительства название липовцев. Это название и искажено потом в название липоване»³⁰. Однако в «Уставе Белокриницкого монастыря» – наиболее важном для старообрядцев документе середины XIX в. – от имени настоятеля «с братиею» отвергаются обе версии: «...здесьним нашим христианам народное название "липованами" произошло не от существа нашей веры, ниже от предводителей в здешние пределы переселения, но разве по времени от какого нам отнюдь неизвестного случая, ибо вначале им сего названия не было»³¹.

В то время, когда основывался Белокриницкий монастырь, селение Липовцы, оно же Соколинцы, существовало по соседству (в двух верстах), и следовательно версия буковинских старообрядцев не могла быть тайной для настоятеля.

Поскольку происхождение слова в XIX в. оставалось неизвестным, поиски его этимологии продолжались в XX в. К нашему времени количество версий возросло. В с. Гиндерешть нам назвали генерала Липована – героя русско-турецких войн; в других селениях якобы помнят полковника Липень³².

В Буковине сохраняется память о первых поселениях в липовых лесах. Так, И.Ф. Ермилов родители говорили, что «пришли из тех мест, где была липа. Отсюда пошло и название липоване. Это – точно. Это мне так старики говорили. А то, что от Филиппа, это неправда. Надо так, как я говорю»³³. Подобная версия бытует и в Добрудже, где часть жителей до сих пор утверждает: «Мы – не красовцы. Пришли в 1740 году. Потом эмигранты пришли с Молдавии. Нас было мало, их – много. А всех нас русских в Румынии называют липоване. Липованами называют оттого, что когда первую эмиграцию сделали, то стали в лесу, в липе. Там и село Липово есть, где-то в Молдавии»³⁴.

От названия дерева – *липа* производят слово *липоване* современные ученые – профессора университетов Румынии, выходцы из русских деревень. И. Евсеев – проф. университета в г. Темишуары – считает, что липа является деревом священным для русских, тем более для христиан. Цветы липы любят посещать пчелы, дающие воск, из которого лютят свечи для православных храмов, а в них находятся иконы, писанные на липовых досках. Но некоторые местные жители ему возражают: «Не потому, что дерево липа священное, из него делали доски для икон и пчелы мед собирали, а потому, что жили среди лип»³⁵.

Проф. Ф. Кирилэ – преподаватель университета в г. Бухаресте – пишет, что сами русские, живущие в Румынии, называли себя в прошлом старообрядцами или старове-рами. Название липоване пошло не от русских, а от местного населения. «Мы, – сообщает профессор, – видим образование термина липоване от русского существительного липа (сравни: *липа* – *лип* + *ован* – *лип* + *оване*)»³⁶. Версия, предложенная проф. Ф. Кирилэ, противоречива. Утверждая, что слово липоване исходит не от русских жителей Румынии, он производит его от русского слова, строя по аналогии с самоназванием местного населения Подунавья – *молдаване*.

Жители различных русских селений сообщали нам, что наименование переселенцам из России – липоване дано было местным коренным населением и отношение к этому названию зачастую было негативным. Приведу несколько высказываний: «Здесь многие недовольны, что нас называют липоване. Мы русские, мы этим гордимся... Липоване – это как прозвище», – считает И.Ф. Ермилов. «Липоване – прозвище», – подтверждает отец Афанасий³⁷. Таким образом, субэтноним, официально представленный руководством общины русских старообрядцев, еще не окончательно принят самым русским населением Румынии. Тем не менее необходимо признать его более чем двухвековое существование и широкое распространение. Надо полагать, что официальное признание субэтнонима, использование его в различных публикациях будет способствовать закреплению термина.

В заключение подчеркну, что липоване по своему самосознанию неразрывно связаны с русским народом. Зная о своем сравнительно позднем переселении в Подунавье, они стремятся углубить свои исторические корни в данной местности, опираясь на популярные в России имена народных героев. Аналогичная тенденция отмечена нами и у старообрядцев в Сибири. Она, как мы считаем, отвечает стремлению к психологической адаптации переселенцев, самоутверждавшихся на осваиваемой ими территории. С той же целью в преданиях используются такие приемы, как указание более ранних дат вселения и повышение значимости местных событий. Как в русских исторических преданиях, распространенных на основной территории расселения народа, так и у липован наблюдается привязка местных событий к именам выдающихся лиц русской истории³⁸. Аналогично с традиционно русскими строятся ойконимические и генеалогические предания. Однако в Подунавье они приобретают особенности, объясняющиеся местными историческими условиями. Хотя зафиксированные современные повествования отражают субъективные мнения рассказчиков, они в целом дают объективную оценку историческим реалиям. Вместе с тем в преданиях липован имеет место переход от конкретного изложения событий к обобщенному, от реалистической былички – к поэтически-романтическому повествованию.

Примечания

- ¹ Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 30–31.
- ² Надеждин Н.И. О заграничных раскольниках // Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 109–134.
- ³ Мирон А. Письмо в газету // Зори. 1995. № 6. С. 16.
- ⁴ Архив автора. Полевые материалы 1993 г., с. Сарикей. Тетр. № 1.
- ⁵ Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895. С. 109–110.
- ⁶ Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. СПб., 1875. С. 606 и др.
- ⁷ Сухов П. Сколько нас, русских-липован // Зори. 1994. № 1–2. С. 13; The Legislative and Institutional Framework for the National Minorities of Romania. Bucuresti, 1994. P. 7.
- ⁸ Архив автора. Полевые материалы 1993 г. Тетр. № 1.
- ⁹ Липранди И.П. Оттоманская империя // Российский Государственный исторический архив. Ф. 673. Оп. 1. Д. 181. Л. 44.
- ¹⁰ Цит. по статье: Евсеев И. Остров // Зори. 1994. № 1–2. С. 11.
- ¹¹ Echim A. Canditii populatiei din Rezervatia Biosferei Delta Dunarii. Bucuresti, 1995. P. 49.
- ¹² Сказания современников о Дмитрии самозванце. Ч. 1–5. СПб., 1831–1834; БСЭ. Т. 14. М., 1973. С. 393.
- ¹³ Русский демонологический словарь. СПб., 1995. С. 230; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994. С. 364; Яковлев М.Я. Народное песнетворчество об атамане Степане Разине (Из истории песен XVII века). Л., 1924.
- ¹⁴ Короленко В.Г. Над лиманом // Русское слово. 1897. № 11. С. 171–180 (первая публикация).
- ¹⁵ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII – начало XX в.). М., 1996. С. 92.
- ¹⁶ Ее же. Ойконимы липован // Имя и этнос. М., 1996. С. 156–161.
- ¹⁷ Очерк истории старообрядцев в Добрудже... С. 606.
- ¹⁸ Табличка в храме с. Журиловки // Архив автора. Полевые материалы 1993 г. Тетр. № 1.
- ¹⁹ Архив автора. Полевые материалы 1995 г., с. Гиндерешть. Тетр. № 1.
- ²⁰ Субботин Н.И. История белокриницкой иерархии. Т. 1. М., 1874. С. 116–118; Липранди И.П. Указ. раб.

- 21 Сайко М.Н. Возникновение старообрядческих поселений на Буковине // Старообрядчество: история, традиции, современность. М., 1994. С. 32.
- 22 Там же. С. 35.
- 23 Первый национальный симпозиум русских-липован Румынии // Зори. 1995. № 1. С. 11.
- 24 Лилиев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Вып. I. Киев, 1895; Липинская В.А. Старожилы и переселенцы... С. 32, 72–73.
- 25 Липинская В.А. Старожилы и переселенцы... С. 19.
- 26 Архив автора. Полевые материалы 1995 г., Констанца. Тетр. № 2.
- 27 Там же. Полевые материалы 1993 г., Нэводарь. Тетр. № 1.
- 28 Община русских-липован в Румынии // Зори. 1990. № 1. С. 5.
- 29 Субботин Н.И. Указ. раб. С. 111; Надеждин Н.И. Указ. раб. С. 92; Зацук А. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. Ч. II. СПб., 1862. С. 245 и сл.; Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 27. Пг., 1915. С. 589.
- 30 Субботин Н.И. Указ. раб. С. 115. Сноска 3.
- 31 Там же. Т. I. Приложение. С. 12.
- 32 Архив автора. Полевые материалы 1993 г., Гиндерешть. Тетр. № 1.
- 33 Там же. Полевые материалы 1995 г., Констанца. Тетр. № 2.
- 34 Там же. Полевые материалы 1993 г., Тульча. Тетр. № 1.
- 35 Там же. Полевые материалы 1995 г., Констанца. Тетр. № 2.
- 36 Кирилл Ф. Русские-липоване. Кто они? Откуда прибыли? Чего они хотят? // Зори. 1991. № 4. С. 8.
- 37 Архив автора. Полевые материалы 1993, 1995 гг., Гиндерешть, Констанца. Тетр. № 1, 2.
- 38 Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972. С. 229.

V. A. L i p i n s k a y a. Historical legends of Lipovans

The historical legends of Lipovans, who settled in XVIII at the lower Danuberiver, are analysed by the author as an important source in investigation of their cultural traditions and as a factor acting for preserving their ethnic identity under the conditions of separation from the major Russian ethnic territory.

© 1997 г., ЭО, № 6

А.Н. Ланьков

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА В ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ГОРОДЕ

Традиционный корейский свадебный обряд неоднократно описывался этнографами: соответствующие материалы можно найти, например, в работах Р.Ш. Джарылгасиновой и Ю.В. Ионовой. В то же время современный южнокорейский свадебный обряд никак не отражен в отечественной корееведческой литературе. Это упущение вполне понятно: в условиях отсутствия до недавнего времени прямых контактов с Республикой Корея получить необходимую информацию было непросто. Основой для статьи послужили личные наблюдения автора, с 1992 г. работающего в Республике Корея, беседы с информаторами, а также некоторые южнокорейские публикации.

Период после окончания второй мировой войны стал для Кореи временем решительной перестройки всей системы обрядов жизненного цикла, которая подверглась существенной вестернизации. Отчасти это было вызвано высоким престижем западной культуры, отчасти – постепенной утратой связи с конфуцианской традицией, а отчасти – и прямым вмешательством правительства. После 1945 г. корейская правящая элита состояла из людей, в своем большинстве получивших западное образование, тесно связанных с Соединенными Штатами Америки и при всем своем национализме